

У внутренних ворот, во тьме, часовые издали глухой стон и рухнули на землю.

Черные Доспехи хлынули вперед, мгновенно захватив башню. Стражники с луками не успели даже крикнуть, как Чжэн Янь перерезал им глотки. Тела свалились со стены.

— Господин Чжэн! — шепотом произнес воин. — Все готово!

— Ждем сигнала из дворца, — приказал Чжэн Янь и достал сложенные белые листы, разворачивая их.

Чан Люцзюнь, пригнувшись, спрыгнул с карниза и быстро направился в Зал Высшей Гармонии.

Му Цин спал на кушетке. Чан Люцзюнь снял маску и осторожно потряс его за плечо. Му Цин, все еще сонный, открыл глаза и, увидев Чан Люцзюня, уже собирался вскрикнуть.

— Тсс! — поспешно прикрыл ему рот рукой Чан Люцзюнь, проведя пальцами по губам.

— Ван Шань послал меня вывести тебя отсюда, — сказал Чан Люцзюнь.

— Он пришел? Где он был все это время? С ним все в порядке?

— А где канцлер Му?

— С тетушкой.

— Одевайся и жди меня в зале, — приказал Чан Люцзюнь, а затем быстро вышел из Зала Высшей Гармонии. Заметив свет в западном павильоне, он направился в сад и развернул тонкие листы бумаги.

Лан Цзюнься спрыгнул с крыши и, приземлившись, направился в холодный дворец, где был заточен Цай Янь. Он остановился.

Охрана сада была очень строгой. Лан Цзюнься выхватил Цинфэнцзянь, и после череды мерцаний в темноте от его меча, он покинул дворцовые ступени, усыпанные трупами.

Лан Цзюнься достал лист бумаги и, тряхнув уголком, развернул его.

У Ду и Дуань Лин стояли на крыше Зала Небесного Истока. Дуань Лин вынул стопку белой бумаги, и, как только она развернулась, оказалось, что это небесные фонарики.

— Зажигаем оба? — спросил У Ду.

— Да, — сказал Дуань Лин. — Так наши люди за пределами дворца узнают, что мы с тобой вместе.

У Ду держал небесный фонарь, а Дуань Лин чиркнул огнивом и поджег фитиль. Внутри разгорелось неровное пламя, осветившее их лица.

Небесный фонарь постепенно светлел и, наполнившись теплым воздухом, медленно взлетел вверх. У Ду зажег второй, и оба, словно в танце, взмыли в осеннее небо, кружась и прижимаясь друг к другу.

Два огонька, поднимавшиеся ввысь, стали подобны звездам, что внезапно вспыхнули во тьме Великой Чэнь, озаряя путь.

Глубоко во дворце Лан Цзюнься, смотря вдаль, отпустил третий фонарь, и тот, подхваченный ветром, поплыл за стены, медленно набирая высоту.

Стоящий наверху внутренних ворот Чжэн Янь выпустил четвертый фонарь, и он взмыл в небо, устремляясь вдаль.

В саду Зала Высшей Гармонии Чан Люцзюнь чиркнул огнивом, зажег пятый фонарь и, протянув руку, отпустил его в ночную высь. Пламя, мерцая, растворилось в черном бархате неба.

В самый темный час перед рассветом Ли Яньцю и Се Ю стояли с войсками у внешних стен Цзянчжоу, наблюдая, как в городе поднимаются пять небесных фонарей.

— Его Высочество готов, — сказал Се Ю.

— Приготовиться к штурму внутреннего города, — приказал Ли Яньцю.

Воины Черных Доспехов развернули фонари. Ли Яньцю собственноручно зажег один из них, и огненный шар взмыл в осеннее небо, устремляясь к горизонту.

— Раз, два, три... — отсчитал Дуань Лин. — Шесть фонарей. Все готовы. Вперед!

Дуань Лин и У Ду спрыгнули с крыши Зала Небесного Истока и скрылись в тени Полуденных ворот.

Осенний ветер нес шелест листвы, перемежаясь с нарастающими призывными криками солдат. Над бескрайними равнинами царила тьма, покрывающая весь Цзянчжоу, за исключением нескольких одиноких лучиков света. В одном из уголков горизонта темные облака рассеялись, обнажив одинокую сверкающую звезду. Шесть небесных фонариков, поднявшихся с земли, летели все выше и выше, пока не оказались рядом с этой звездой, мерцающей на западном небосводе.

Словно семь звезд Белого Тигра Запада, их сияние озаряло землю.

Лан Цзюнься вошел в холодный дворец. С Цинфэнцзяня капала кровь — капля за каплей, оставляя алую дорожку от двора до самых дверей.

Цай Янь лежал на ложе, судорожно дергаясь, будто заточенный в бесконечном кошмаре.

— Брат... — слабо позвал он, но ни духи предков, ни защитники не явились к нему.

Лан Цзюнься приблизился к кровати. Цай Янь внезапно проснулся, увидел его и с криком отполз к стене.

— Улохоу Му?! — голос Цай Яня дрожал. — Что ты хочешь сделать?!

Лан Цзюнься вложил меч в ножны, и густая кровь, скопившаяся на клинке, растеклась по полу.

— Я пришел пройти с тобой этот последний путь, — сказал Лан Цзюнься.

— Увези меня, — взмолился Цай Янь. — Увези, Лан Цзюнься! Как тогда... Ты обещал, что если все раскроется, то ты увезешь меня далеко-далеко отсюда.

— Подожди еще немного, — ответил Лан Цзюнься. — Время еще не пришло. Я увезу тебя.

— Дуань Лин не оставит тебя в живых, — прошептал Цай Янь. — Если он взойдет на трон, он непременно сведет с тобой счеты.

— Знаю, — произнес Лан Цзюнься. — Я отошлю тебя после утреннего собрания.

— Ты говоришь правду? — дрожащим голосом спросил Цай Янь.

— Чистую правду, — ответил Лан Цзюнься. — Когда Хань Бинь умрет, я найду способ спасти тебя.

Цай Янь уставился на него, не зная, верить ли этим словам. Помедлив, спросил снова:

— Где ты был эти дни? Рядом с Дуань Лином?

— Собирал информацию возле него, — сказал Лан Цзюнься. — Он скоро войдет во дворец, чтобы расправиться с Хань Бинем. А тот уже расставил сети, поджидая его.

— Чиновники скоро соберутся на совет, — с трепетом в голосе произнес Цай Янь. — Тайное рано или поздно становится явным. Я всегда говорил: придет час расплаты.

— Разве ты не хочешь освободиться? — Лан Цзюнься слегка приподнял бровь, пристально глядя на Цай Яня. — Все эти дни ты твердил, что жаждешь покоя. Сейчас тот самый момент.

Цай Янь глубоко вздохнул, колеблясь, и Лан Цзюнься продолжил:

— Хань Бинь заходил к тебе. О чем вы договорились?

Цай Янь не знал, к какому соглашению пришли Лан Цзюнься и Дуань Лин. Но сейчас, когда Фэн До был арестован, Восточный дворец находился под стражей, Ли Яньцю умер, а Се Ю, вероятно, уже перешел на сторону Дуань Лина, у него не оставалось выбора, кроме как довериться Лан Цзюнься.

— Он велел мне сказать, что канцлер Му приказал мне выдавать себя за наследника, — ответил Цай Янь. — Когда Дуань Лин вернется, я должен подтвердить, что настоящий наследный принц — он. Хань Бинь сказал мне... что Дуань Лин вовсе не сын Ли Цзяньхуна, а ребенок, которого ты привез, чтобы занять его место.

Лан Цзюнься рассмеялся — впервые Цай Янь видел его улыбку. В глазах его светилась насмешливая искра, когда он произнес:

— Я продиктую тебе, что сказать. В точности все повторишь — и Дуань Лин пощадит тебя, позволив вернуться на север.

В самый темный предрассветный час, когда утро еще не наступило, у Полуденных ворот одна за другой останавливались кареты. В холодной осенней тьме черепица Зала Литературного Мастерства поблескивала инеем.

Здесь чиновники собирались перед утренним советом. За час до полуночи солдаты Северного командования обошли резиденции сановников, приказав всем явиться к рассвету.

Хань Бинь уже несколько дней контролировал внутренний город, погрузив Цзянчжоу в хаос. Напряжение достигло предела — как стрела на тетиве, готовая в любой момент сорваться. Многие чиновники шептались: не планирует ли Хань Бинь сместить наследного принца, возведя на престол вдовствующую императрицу, а самому стать регентом?

Однако Се Ю, отступив во внешний город, похоже, ждал подходящего момента. Если бы он решил атаковать, все чиновники стали бы заложниками. Теперь оставалось лишь молиться душам прежних императоров Великой Чэнь, чтобы они защитили этот шаткий императорский двор.

Хань Бинь взял под контроль всех чиновников Цзянчжоу, включая представителей знатных родов, — то есть захватил саму жизненную силу Великой Чэнь. Все эти дни гражданские сановники, словно куры, вытянувшие шеи на заклание, толпились в тревожном ожидании, судорожно следя за обстановкой и не смея расслабиться ни на миг.

Если гражданские чины, захватывая власть, плели интриги, то все же следовали правилам игры: даже Му Куанда, желая кого-то устранить, фабриковал обвинения и действовал расчетливо. Но мятеж военных оборачивался кошмаром. Во все времена, когда генералы с армией входили в императорский дворец, они начинали кровавую резню.

— Как думаете, генерал Хань... — министр доходов понизил голос до шепота, не решаясь договорить.

— Тсс! — кто-то сразу же прервал его. — У стен есть уши, господин Лу. Лучше помолчите.

Гражданские чиновники вошли в зал. Все шло как обычно: евнухи подали чай, ожидая удара колокола, чтобы объявить начало собрания.

— Подождем, пока не прибудет господин Су, — прошептал еще один. — Сколько нас здесь? Хань Бинь не посмеет чинить произвол. Даже если ему плевать на империю, он не рискнет запятнать свое имя в истории!

— Эх, — вздохнул третий. — Раз уж начал, какое теперь ему дело до посмертной славы?

— По-моему! — кто-то в ярости вскричал. — Мятежники и предатели разрушают двор! Чиновники разбежались, как крысы, и ни у кого не хватает духу высказаться! Почему бы не

явиться с мечами и не сразиться с ними ценой жизни?!

Говоривший был не кто иной, как Цэнъюн Но — выпускник того же года, что и Дуань Лин, занявший седьмое место на дворцовом экзамене. После года службы в Янчжоу в должности императорского эмиссара он вернулся в Цзянчжоу, войдя в Цензорат. Ирония в том, что три дня назад, когда Хань Бинь захватил дворец, учитель Цэнъюн Но — бывший цензор — осудил его за узурпацию трона, и мятежник приказал выволочь старика из зала и подвергнуть шестидесяти ударам палками. Той же ночью учитель скончался.

Теперь любого, кто займет пост цензора, ждет скорая расправа. Но Цэнъюн Но не только не бежал — он облачился в парадные одежды, сжег благовония, совершил ночное омовение и, держа нефритовую табличку*, приготовился явиться на утренний совет, чтобы встретить смерть. Его гневная речь заставила чиновников потупить взоры от стыда.

* Ее использовали чиновники на дворцовых собраниях, чтобы записывать приказы императора и не смотреть ему в глаза. После появления бумаги нефритовые таблички остались церемониальными предметами.

— Был бы лес, дрова найдутся*, — раздался голос Су Фа. Все тут же встали и поклонились.

* 山穷水尽疑无路 дословно «были бы горы Циншань, а хворост найдется» — еще не все потеряно; пока жив человек, жива и надежда.

— Господин императорский цензор, — обратился Су Фа к молодому человеку, — кроме смерти, в жизни нет иных великих дел. Можно говорить все, что душе угодно, и умереть, оставив героическое имя в истории. Но что делать с последствиями? Кто-то должен наводить порядок.

— Порядок? — Цэнъюн Но язвительно рассмеялся. — С первого дня в Цзянчжоу мы только и делаем, что «наводим порядок». И что в итоге? Взгляните — сейчас ситуация даже хуже, чем во время вторжения Чжао Куя в Сычуань!

— Господин Цэнъюн, успокойтесь, — прозвучал голос. Все замолчали, устремив взгляды ко входу.

Дуань Лин сбросил плащ и произнес:

— Во время утреннего собрания Хань Бинь вряд ли посмеет вас тронуть. Можете не беспокоиться.

— Ван Шань! — кто-то выкрикнул.

Когда Дуань Лин появился, на лицах всех чиновников отразилась настороженность.

— Подлец в сговоре с предателями! — закричал Цэнъюн Но. — Ты ведь Таньхуа, как ты смеешь...

Не дав ему закончить, Дуань Лин поднял руку и, оглядев зал, спросил:

— Где Хуан Цзянь?

— Он во дворце, — ответил Цинь Сюйгуан. — Ван Шань, как ты здесь оказался? Есть новости?

Увидев Цинь Сюйгуана, Дуань Лин улыбнулся. Вспомнилась та ночь перед отъездом из столицы, когда они вчетвером обсуждали судьбу империи в «Лучшей лапше в мире».

— Я принес доказательство, — Дуань Лин достал экзаменационные листы, которые раньше бережно хранились в мече У Ду, и передал их Цэнъюн Но. — Эта улика очень важна для судьбы Великой Чэнь, и я оставляю ее в ваших руках. Когда начнется утреннее собрание, она может пригодиться.

— Что это? — Цэнъюн Но взял экзаменационные работы, и остальные чиновники собрались вокруг него.

У Ду стоял позади Дуань Лина, будучи все время настороже, чтобы никто не попытался снова сжечь доказательство. Его рука лежала на рукояти меча, а глаза следили за каждым движением чиновников.

— Это почерк наследного принца, — ответил Су Фа, — это...

— Экзаменационные работы из Шанцзина, — сказал Дуань Лин. — Я получил от монголов две экзаменационные работы. На одной из них ответ нашего нынешнего наследного принца. Посмотрите на печать в конце. Там написано «Цай Янь».

В комнате царила гробовая тишина, и руки Цэнъюн Но, держащие листы бумаги, не переставали дрожать.

— Другая была написана Дуань Лином, — сказал Дуань Лин. — Уверен, все присутствующие знают, кто такой Дуань Лин.

Когда Цай Янь приехал в Сычуань, он действительно сказал чиновникам, что его звали «Дуань Лин», когда он жил в семье Дуань. Однако почерк на экзаменационном листе явно принадлежал не ему. Иными словами, судя по почерку, «Дуань Лин» был не нынешним наследным принцем, а кем-то другим.

— Это доказательство... — дрожащим голосом произнес Су Фа.

— И теперь вы все знаете, — Дуань Лин занял место неподалеку и серьезно произнес. — Когда Хань Бинь начнет собрание, он поднимет этот вопрос. Уверен, господа уже определились со своей позицией.

— Э-э... — голос Цэнъюн Но не переставал дрожать. На банкете в честь Праздника середины осени Му Куанды присутствовало немного гостей, поэтому новость еще не дошла до слуха каждого чиновника; эти две экзаменационные работы от Дуань Лина разрушили последнюю каплю надежды придворных.

— Великая Чэнь в огромной опасности! — по морщинистому лицу Су Фа внезапно потекли слезы, а его губы задрожали. Понаблюдав за ним, Дуань Лин пришел к выводу, что Су Фа, возможно, держался за последнюю надежду, что сможет помочь Цай Яню противостоять Хань Биню.

Но раз Цай Янь — самозванец, значит, все кончено. В итоге Хань Бинь станет регентом, а вдовствующая императрица возьмет бразды правления.

— Что же нам делать? — спросил Цэнъюн Но.

Все очень устали. Су Фа произнес:

— Если вдовствующая императрица родит сына, у Великой Чэнь, по крайней мере, будет наследник.

— Но даже если она родит принцессу, что с того? — сказал Дуань Лин. — Главное, чтобы ребенок в чреве вдовствующей императрицы принадлежал Его Величеству. Если так, то почему бы не возвести девочку на престол?

— В крайнем случае, — усмехнулся Дуань Лин, — и покойный император, и Его Величество отдали столько сил ради страны. Пятая принцесса все еще жива. Если призвать ее вернуться и управлять государством, разве это обязательно погубит наследие предков?

В этот момент вдали прозвучали три мерных удара колокола: дон... дон... дон...

— Господа, вы можете самостоятельно взвесить все «за» и «против», — Дуань Лин сделал полшага назад. — Пора идти на собрание. Прошу вас.

Вошли солдаты Северного командования, давая гражданским чиновникам понять, что пора собираться.

Дуань Лин и У Ду стояли в конце очереди. Их взгляды встретились.

— Я... — У Ду замялся, не закончив фразу.

— Иди, — тихо сказал Дуань Лин. — Только вернись. Со мной все будет в порядке.

У Ду еще долго смотрел в глаза Дуань Лину, а затем опустил голову и, поцеловав его в лоб, стремительно исчез через заднее окно зала.

За пределами тронного зала только что вошло солнце. Евнух ударил в гонг, откашлялся и громко провозгласил:

- Прибыл Его Высочество наследный принц! Прибыла вдовствующая императрица! Прибыл генерал Хань Бинь! Прибыл канцлер Му Куанда!

Сановники переглянулись. В зале воцарилась гробовая тишина, но Му Цзиньчжи так и не появилась. Спустя мгновение Цай Янь в сопровождении Лан Цзюнься вошел внутрь. Поднимаясь по ступеням за ширмой, он споткнулся и едва не упал, и Лан Цзюнься мгновенно подал руку, крепко поддерживая его.

Вошел Хань Бинь, а за ним - Му Куанда, опирающийся на солдат Северного командования, позади следовали Хуан Цзянь и Фэй Хундэ. Все расселись по местам.

- Сегодняшнее собрание, - начал Хань Бинь, - созвано мной потому, что кое-что должно быть объявлено всему миру.

В зале повисла тишина. Генерал обвел взглядом чиновников. Все присутствующие смотрели на него с ожиданием, словно уже догадывались о предстоящем заявлении.

- Этот наследник престола - поддельный, - отчеканил Хань Бинь, и каждое слово падало словно молот на наковальню. - Вас всех обманули.

Хань Бинь думал, что, как только прозвучат эти слова, сановники станут перешептываться между собой, но никто не дрогнул. Напротив, все взоры устремились к наследному принцу, стоявшему рядом с императорским тронном. Цай Янь глубоко вдохнул, а все его тело содрогнулось — он наконец дождался этого дня.

— В тот год, когда Угэдэй захватил Шанцзин, — провозгласил Хань Бинь, — покойный император повел войска на помощь. В ночь падения города настоящий «Дуань Лин» разлучился с тем, кто ныне восседает здесь как наследник! Этот человек когда-то был одноклассником наследного принца, и по замыслу Улохоу Му он отправился в Сычуань, чтобы занять его место!

— Не верите? — Хань Бинь указал на Лан Цзюнься и Цай Яня у трона. — Пусть он сам скажет!

Хотя было непонятно, как Лан Цзюнься оказался здесь, Хань Бинь думал, что уже держал победу в руках. В этот миг все присутствующие в зале устремили взоры на Цай Яня.

Он по-прежнему сидел на своем месте, смотря на сановников — все без исключения обратили на него пристальные взгляды.

— Я... не... — голос Цай Яня дрожал. — Это неправда... Я этого не делал!

— Я Ли Жун! — внезапно вскричал Цай Янь, вскакивая с места. Его лицо исказилось от ярости. — Хань Бинь! Это наглая ложь! Ты все выдумал! Ты погубил моего отца, а теперь, воспользовавшись кончиной дяди, хочешь узурпировать трон семьи Ли!

Хань Бинь произнес:

— Ты...

Он никак не ожидал, что Цай Янь внезапно изменит показания, и на мгновение растерялся.

— Я и есть Дуань Лин! — провозгласил Цай Янь. — Это уже подтвердили все чиновники двора! Канцлер Му и генерал Се лично удостоверили мою личность! Хань Бинь! Какие твои истинные намерения? Предъяви свидетелей и вещественные доказательства!

Хань Бинь усмехнулся:

— Улохоу Му сначала напал на канцлера Му, а затем убил Цянь Ци — единственного, кто мог подтвердить твою личность. Теперь улики уничтожены. Цай Янь, вчера ночью ты сам признал все, а сегодня отрекаешься от слов. Думаешь, я не смогу доказать, что ты лжешь? Эй, стража! Привести во дворец послов Ляо, Юань, Силян и Туяйхунь!

— У меня есть доказательства, — неожиданно заявил Цэнъюн Но.

Цай Янь вздрогнул, когда сановник достал два экзаменационных листа, переданных ему Дуань Лином. Даже Му Куанда, пошатываясь, поднялся с места.

— Перед утренним собранием господ уже видели эти документы, — произнес Цэнъюн Но. — Это работы Дуань Лина и Цай Яня, младшего брата Цай Вэня, написанные в Шанцзине. На свитках стоят их печати.

Он демонстративно показал листы собравшимся. Лицо Цай Яня стало мертвенно-белым.

— Достаточно сравнить с почерком наследного принца, и все станет ясно, — продолжал сановник. — Хотя канцелярия и Цензорат уже знают его письмо, нам все равно стоит взять несколько меморандумов и сверить их с ними.

— Прибыли послы! — возвестил евнух.

У тронного зала собрались посланцы четырех государств. Бату, Хэлянь Бо, Елюй Лу и Тендзин Вангъял вошли внутрь, и чиновники молча расступились, открывая им путь.

Проходя мимо Дуань Лина, Тендзин Вангъял ловко сунул ему в руку небольшой предмет, и тот, не подав виду, спрятал его в рукав.

— Говорят, наследник престола в юности учился с двумя из них, — произнес Хань Бинь. — Узнаете ли вы их, Ваше Высочество?

— Борджигин... Бату... Хэлянь Бо... — дрожащим голосом выдохнул Цай Янь.

— Пес Цай! — рассмеялся Бату. — Неужто помнишь меня? Что ж, раз память не подводит — спустись-ка, померяемся силами! Раз уж ты прикидываешься Дуань Лином, то должен знать: Хэлянь Бо когда-то обучал его борьбе. Ну что, покажешь мастерство?

Цай Янь никак не ожидал, что Бату предложит ему побороться.

— Если ты утверждаешь, что твой отец — Ли Цзяньхун, — начал Бату, — тогда в ту ночь, именно император Чэнь и Дуань Лин помогли мне и моему отцу бежать из Шанцзина. Когда дипломатическая делегация из Юань впервые посетила Чэнь, многие чиновники слышали эту историю, и ты тоже кивнул в знак подтверждения, не так ли?

После возвращения Цай Яня в Сычуань монгольские послы действительно прибыли с визитом, упомянув, что Ли Цзяньхун и Дуань Лин помогли Джучи и Бату бежать из Шанцзина. Цай Янь, не зная деталей, тогда лишь молча согласился.

— Я помню, это действительно было, — подтвердил Му Куанда.

— Я тоже присутствовал, — добавил Су Фа. — Наследный принц лично подтвердил это. Господа Чэн и Ван могут засвидетельствовать.

— Ты все еще помнишь? — спросил Бату.

Цай Янь смотрел на Бату, не зная, кивать ему или качать головой, и умоляюще посмотрел на Лан Цзюнься.

— Естественно, помнит, — невозмутимо ответил Лан Цзюнься.

— Что тебе подарили на прощание? — спросил Бату.

— Кинжал, — ответил Цай Янь.

— Когда Амга попросил тебя предъявить кинжал, — продолжил Бату, — ты сказал, что потерял его, да?

— Улохоу Му нашел его для меня, — сказал Цай Янь. — Он в Восточном дворце.

— Прикажи принести его сюда, — Бату прошелся по залу. — В каком месте мы встретились с тобой в последнюю ночь перед расставанием?

Цай Янь не нашелся, что ответить. Сжав зубы, он решил отбросить осторожность и выкрикнуть:

— Ты — монгол, а я — ханец! Что бы я ни сказал — будет неправдой! Мой отец мертв, твой — тоже. Какие еще свидетели?!

В этот момент придворный летописец нашел записи Цай Яня, положил их рядом с экзаменационными работами на деревянный поднос и принялся показывать каждому чиновнику. Почерк был идентичен.

— Почерк выдал тебя, — сказал Бату. — В Шанцзине тебя звали Цай Янь, а не Дуань Лин. Ты — ребенок рода Цай, и у тебя кровная вражда с Южной Чэнь, ведь она погубила твою семью!

За спиной Му Куанды Фэй Хундэ кивнул:

— Покойный император воспользовался предложенным мною планом, чтобы посеять раздор и загнать твой род в ловушку. Одна ошибка... и вот горькие плоды. Но стоило ли идти на все это ради мести?

Цай Янь, тяжело дыша, смотрел на Лан Цзюнься, умоляя о поддержке, но тот спокойно произнес:

— Это правда. Не ищите больше доказательств. Все это моих рук дело.

Придворные взорвались возмущенным шепотом. Даже Цай Янь не ожидал, что Лан Цзюнься признается так прямо и бесстрашно.

— Ты... Лан Цзюнься! — в ярости закричал Цай Янь. — Разве ты не помнишь, что ты мне обещал?!

Хань Бинь громко рассмеялся:

— Забавно! Похоже, ты не единственный, кто сегодня отказывается от своих слов! Что скажешь теперь?

— Ты... Улохоу Му! — Су Фа дрожал от гнева. — Ты прикрывал небо своей рукой*, годами обманывая двор! Даже ныне покойного Его Величество ты осмелился осквернить ложью! Обманул душу покойного императора! Улохоу Му! Как ты смеешь издеваться над народом?! Над Великой Чэнь?!

* 掩耳盗铃 образно «своей силой скрывать истинное положение вещей».

— Господа, — Лан Цзюнься говорил спокойно и четко. — Вы и монголы убили моих соплеменников, сожгли мою деревню. За годы войны вы превратили земли Улохоу в пустошь. Семью Цай вы уничтожили коварным планом. Господа, мы действительно пришли за возмездием.

В зале воцарилась гробовая тишина. Лан Цзюнься продолжил:

— Когда Чэнь и Юань воевали, для вас гибель тысяч людей была лишь строчками в докладах и военных сводках. Для меня же это были мой народ, моя семья. Разве это так сложно понять?

Уголок губ Лан Цзюнься слегка дрогнул. Он говорил о жестокой реальности, но его глаза светились нежным взглядом:

— По поручению покойного императора я нашел Дуань Лина в Жунани, воспитывал его целых пять лет, наблюдая, как он взрослеет. Затем, когда император вернулся, я получил приказ отправиться на юг и присоединиться к Чжао Кую.

— Вскоре после этого покойный император, заручившись поддержкой войск, двинулся на юг. Чжао Куй приказал мне захватить наследного принца в качестве заложника, но вскоре после этого Сычуань была возвращена покойным императором, — продолжил Лан Цзюнься. — Затем пал Шанцзин, наследный принц пропал без вести, и его судьба была мне неизвестна. Я заключил с Цай Янем договор: я помогу ему стать наследником, а он поможет мне отомстить.

— Все в этом зале, — окинув взглядом присутствующих, произнес Лан Цзюнься, — наши с ним кровные враги. Мы собирались рано или поздно свести счеты с каждым из вас. Но на этот раз я проиграл. Раз решил бросить вызов вам и всему миру — должен признать поражение.

— А где же настоящий наследный принц? — спросил Цэнъюн Но.

Му Куанда ответил:

— Должно быть, давно погиб в огне войн и стал блуждающим духом где-то в глухих землях.

— Нет, — сказал Лан Цзюнься. — Он жив. И находится прямо в этом зале.

Мгновенно среди придворных поднялся переполох. Никто не ожидал такого — наследный принц жив?!

Хань Бин, лицо которого от ярости стало серым, услышав эти слова, резко окинул взглядом чиновников. И действительно — в самом конце ряда он увидел Дуань Лина!

И в этот же миг в зал ворвался гонец.

— Докладываю! — крикнул в панике гонец Северного командования. — Северные ворота внешнего города пали!

Хань Бин резко вскочил, но Дуань Лин внезапно произнес:

— Удивлены, генерал Хань?

— Ты... — Хань Бин остолбенел, а затем рявкнул. — Схватить его!

— Кто посмеет тронуть меня! — сказал Дуань Лин. — Взгляните, что у меня в руках!

В его руке сверкнул предмет — сияющая нефритовая дуга, от которой захватило дух у всех собравшихся.

— Присутствие этого предмета равнозначно присутствию Его Величества, — обратился Дуань Лин к чиновникам. — Нефритовая дуга Великой Чэнь, нет — нефритовая дуга ханьцев центральной равнины! Всем видно?!

— Дуань Лин... Дуань Лин... — Цай Янь дрожал всем телом.

Придворные были потрясены до глубины души, в оцепенении глядя на него. У Ду стоял рядом с Дуань Лином, лицом к воинам Северного командования. Солдаты, сжимая оружие, сомкнули кольцо вокруг них.

— Кто посмеет его тронуть! — грозно крикнул Бату.

Тут же послы четырех государств шагнули назад, встав стеной перед Дуань Лином.

— Генерал Хань, — сказал Дуань Лин, — вы хотите поскорее выйти, чтобы командовать своими войсками, или останетесь в зале, чтобы выслушать мою историю до конца?

Хань Бинь, вне себя от ярости, усмехнулся:

— Хорошо. Послушаю, что ты хочешь сказать. Собирайте войска! Удерживайте внутренний город!

— Я и есть Дуань Лин, — сказал Дуань Лин, повернув руку и демонстрируя кинжал в правой ладони. — Это знак дружбы, который Борджигин Бату вручил мне в те годы. Цай Янь, взгляни — это он?

— Как он оказался у тебя?! — вскричал Цай Янь. — Я же... Нет...

— Когда я прибыл в Сычуань, я передал кинжал, чтобы показать его Улохоу Му, — продолжил Дуань Лин. — Никак не ожидал, что он окажется в твоих руках. Наверняка ты узнаешь его.

Хэлянь Бо и Тендзин Вангъял выглядели довольными — очевидно, они потратили полночи на поиски кинжала, спрятанного Цай Янем, и наконец нашли его.

— Мой отец дал мне имя — Ли Жо. Я и есть настоящий Ли Жо, Цай Янь! Бесстыжий мерзавец! Немедленно слезай оттуда!

Под гневом Дуань Лина Цай Янь затрясся как осиновый лист. Он лепетал, дрожа всем телом:

— Ты же обещал... Ты клялся мне...

— Все здесь — мои свидетели, — сказал Дуань Лин. — И если принесут мои доклады, военные сводки и служебные записи для сверки с этими листами, то с первого взгляда станет ясно, что они совпадают.

Летописец принес бумаги Дуань Лина, разложил их на подносе и сравнил с экзаменационными работами, после чего продемонстрировал собравшимся сановникам.

— В те годы, пройдя через смертельные испытания, я вернулся ко двору, — продолжил Дуань Лин. — Но Цай Янь уже занял мое место. Мне пришлось искать защиты у У Ду. Вместе мы прошли через Тунгуань, Цзянчжоу, Хэбэй. Мы с дядей уже признали друг друга семьей, но тут Му Куанда подослал убийц.

— По завещанию покойного императора и Его Величества я владею нефритовой дугой царства и возглавляю императорский двор Великой Чэнь! Я обвиняю Му Куанду в сговоре с Хань Вэйюном, в убийстве покойного императора! Му Куанда послал наемных убийц, чтобы лишить жизни моего отца! В качестве доказательства представляю переписку между ними!

Дуань Лин достал письма и положил их на поднос в руках летописца.

— Что за спектакль? — усмехнулся Му Куанда. — Ученик, если ты думаешь, что сановники поверят твоим бредням, то ты наивен.

— Истина и ложь, — улыбнулся Дуань Лин, — уже пред всеми вами. Доказательства неопровержимы. Черное останется черным, а белое — белым. Неужели вы до сих пор не признаете вину, учитель? У меня есть и другие улики.

— Это доказательства тайной переписки Хань Биня с Му Куандой с целью мятежа, — Дуань Лин вытащил вторую пачку писем и раздал присутствующим. То были документы, найденные той ночью в резиденции Му.

Собравшиеся вновь были потрясены до глубины души. Перемены обрушились слишком стремительно: хотя догадки о связях Му Куанды с Хань Бинем витали давно, за какие-то четверть часа оказалось трудно принять и личность настоящего наследного принца, и мятеж, и всю подноготную событий.

— Господа, — сказал Дуань Лин, — подумайте хорошенько. Если сейчас сложите оружие, прошлое будет прощено.

— Чушь собачья! — безумно рассмеялся Хань Бинь. — Вы и правда верите этому? Тогда слушайте!

Крики и звон оружия уже доносились с площади перед залом. Внутри мгновенно вспыхнула паника.

— В этом мире никогда не было настоящего наследного принца! — взревел Хань Бинь. — У императора У не было детей! А единственный потомок Дуань, привезенный в Шанцзин, был не более чем тщательно выдуманной легендой!

— Верно, — неспешно произнес Му Куанда, — даже тот самый «Дуань Лин» был подставной фигурой, созданной Улохоу Му. Взгляните на его лицо — разве в нем есть хоть капля сходства с покойным императором?

— Учитель, вы быстро сориентировались, — сказал Дуань Лин. — Но как бы вы ни старались, вы упустили одну вещь.

— Ну, предъяви-ка доказательства, — невозмутимо произнес Му Куанда. — Как ты докажешь, что Ли Цзяньхун — твой отец? Если сумеешь подтвердить это, мне даже не понадобится твоя рука — я сам перережу себе горло пред лицом всего мира. Господа, Яо Фу давно вынашивал мятежные планы. Сначала он поднял восстание и убил Его Величество, потом взвалил вину на меня, а теперь, после кончины императора, подговорил этого моего ученика выдать себя за наследника.

Хань Бинь усмехнулся:

— И кому вы верите? Лишь его словам да какой-то нефритовой дуге неизвестного происхождения?

— Истинный Сын Неба здесь! — воскликнул Дуань Лин. — Кто еще осмелится упорствовать в заблуждениях?!

Цэнъюн Но переводил взгляд с Дуань Лина на Цай Яня. Цай Янь стоял бледный как смерть, резко контрастируя с Дуань Лином, стоящим у подножия ступеней. Цэнъюн Но на мгновение потерялся в догадках.

— Да, — наконец сказал он после недолгого раздумья. — Вы и есть истинный наследный принц.

— Шици, ты... — дрожащим голосом начал Хуан Цзянь.

— Шисюн, — перебил его Дуань Лин. — Выбирай сам. Небо, земля, правитель, родители, учитель* — но правитель стоит выше учителя.

* Конфуцианская иерархия.

Хуан Цзянь наконец поднялся, подошел к Дуань Лину и встал с ним плечом к плечу перед Хань Бинем. В тот же миг придворные зашевелились — гражданские чиновники, к удивлению, объединились поразительно единодушно, заняв позицию за спиной Дуань Лина.

— Превосходно, — сказал Му Куанда. — Такой топорной лжи удалось одурачить весь двор. Ученик, ты и вправду все до мелочей продумал, готовился годами.

— Все послы и чиновники здесь — тоже лжецы? — вместо ответа рассмеялся Дуань Лин. — Почерк — тоже? И даже человек у трона — ложь?!

Лан Цзюнься сошел с императорского помоста, приблизился к Дуань Лину и после долгого молчания опустил на колени.

Дуань Лин смотрел сверху на Лан Цзюнься. Больше ему нечего было сказать.

— Черные Доспехи ворвались во дворец!

С плаца за пределами зала донесся крик солдат Северного командования.

— Взять их всех! — провозгласил Хань Бинь.

Едва Хань Бинь отдал приказ, воины Северного командования обнажили мечи и хлынули со всех уголков зала. Лан Цзюнься стремительно спустился вниз, шагнул вперед и встал на защиту Дуань Лина.

— Господа, вам нужно быть готовым отдать жизни за наследника престола, — сказал Дуань Лин. — Если кто-то передумал, сейчас еще не поздно.

— Хань Бинь, если ты не веришь, что перед тобой истинный Сын Неба, и упрямо жаждешь крови, — раздался голос Чан Люцзюня, — тогда знай: то, что ты считаешь последней кровью Ли, тоже погибнет.

Му Цзиньчжи вскрикнула, когда Чан Люцзюнь втащил ее в главный зал через боковую дверь за ширмой. Отряд воинов в черных доспехах ворвался следом, мгновенно взяв под контроль тронный зал и вступив в противостояние с войском Северного командования.

— Цзиньчжи! — в ужасе воскликнул Му Куанда.

— Чан Люцзюнь! — яростно крикнул Хань Бинь. — Ты осмелился предать своего господина?!

Чан Люцзюнь холодно продолжил:

— Сделаешь шаг — убью ее. Тогда всем конец, и трон останется пустым.

— Не тронь ее! — немедленно произнес Му Куанда.

Губы Хань Биня дрогнули, вырвавшись односложным приказом:

— Убить.

В мгновение ока зал погрузился в хаос. Лан Цзюнься резко развернулся, а Му Куанда бросился вперед, чтобы прикрыть Му Цзиньчжи. Чан Люцзюнь на миг застыл в оцепенении, а затем оттолкнул ее и, сжимая меч, встал на защиту Дуань Лина.

— Назад! — взревел Дуань Лин.

Послы и воины в черных доспехах, заранее готовые к схватке, ринулись в бой против солдат Северного командования. Чан Люцзюнь атаковал с северо-восточного угла, а Лан Цзюнься мчался от центрального входа — оба метили в Хань Биня. Тот с ревом опрокинул трон, выигрывая время, пока его преданные воины, не боясь смерти, бросались под клинки, прикрывая господина телами в доспехах!

— Охранять наследника! — скомандовал Лан Цзюнься. — Уходим!

Не сумев одним ударом поразить Хань Биня, Лан Цзюнься и Чан Люцзюнь отступили из зала. Чиновники в панике бросились врассыпную. В следующее мгновение пространство наполнилось свистом стрел и криками. В кого-то попала стрела, и он рухнул на землю.

— Вперед! — Лан Цзюнься, прикрывая Дуань Лина, вывел его из дворца.

Утреннее солнце поднималось над Полуденными воротами, где отряды в черных доспехах под командованием Се Ю уже прорвались к императорскому городу, встретив яростное сопротивление Северного командования.

Надвигались новые волны солдат. У Ду прокричал:

— Отступайте к южным воротам! Соединимся с Черными Доспехами!

Чжэн Янь, пришпорив коня, врезался в толпу, таща за собой несколько свертков ткани. Одним движением руки он распахнул их — и в воздухе рассыпалось оружие. Воины выхватили мечи.

— Слушайте приказ! — прокричал Дуань Лин. — Взять голову Хань Биня!

Дипломатическая делегация во главе с Бату и Хэлянь Бо слились с солдатами У Ду. Вооружившись, они без тени страха бросились вперед, вступая в бой с войском Северного командования.

Вокруг Дуань Лина сражалось лишь несколько сотен солдат, но их ярость лишь нарастала, прикрывая отход к воротам главного дворца. Сам Дуань Лин, сжимая длинный лук, непрерывно выпускал стрелы — куда они ни летели, везде замертво падали воины.

— У Ду скоро?! — крикнул Чжэн Янь. — Мы не сможем их долго сдерживать!

— Он придет, — воскликнул Дуань Лин. — Обязательно придет!

В вихре хаоса Бату внезапно рванул к Дуань Лину и прижал его, укрывая от шальных стрел. Тот, перекатившись по земле, вскочил — и краем глаза заметил, как Му Куанда, почти волоча Му Цзиньчжи, спотыкаясь бежит от дворца. В следующее мгновение лук в руках Дуань Лина дрогнул, выпустив смертоносный выстрел.

Стрела, словно метеор, пронеслась через сотню шагов, вонзившись в плиты перед главным залом, и Му Куанда в ужасе вскричал:

— Цзиньчжи!

Му Куанда, обхватив Му Цзиньчжи, был поражен стрелой в спину и бездыханно рухнул на землю.

На главные ворота дворца обрушился таран, заставив землю содрогнуться. Все на мгновение замерли.

Хань Бинь величественно вышел из главного зала в сверкающих доспехах, за его спиной развеялся плащ. Воины высыпали следом, построившись в два ряда, и протрубили в боевые рога.

Мгновенно со всех сторон появились тысячи солдат Северного командования. Выстроившись в квадрат, они подняли щиты, выставили копья и единым ревом обрушили их на Дуань Лина и его несколько сотен стражников.

Бам! — новый удар тарана. Полуденные ворота уже трещали по швам, готовые рухнуть.

Хань Бинь медленно поднял руку... и резко опустил ее.

При третьем грохоте воины Северного командования, согнувшись, ринулись вперед.

Главные ворота дворца рухнули, и солдаты Черных Доспехов подобно лавине ворвалась через пролом, выстраиваясь в шеренги. Впереди всех ехал всадник верхом на Вань Ли Бэнь Сяо, облаченный в черные доспехи из драконьей чешуи и с Мечом царства в руке.

Словно восставший дух Ли Цзяньхуна! Даже Хань Бинь не мог не сделать полшага назад, как только увидел эти черные доспехи и Чжэньшаньхэ.

— Воины Поднебесной! — раздался голос У Ду. — За кого вы сражаетесь?!

— За истинного Сына Неба Великой Чэнь! — проревели воины Черных Доспехов.

Дуань Лин с луком в руке стоял прямо перед Полуденными воротами, купаясь в мириадах ярких золотых лучей восходящего солнца.

— Сыны Цзянчжоу! — раздался голос Се Ю. — За кого вы сражаетесь?

— Мы сражаемся за Его Высочество наследного принца Великой Чэнь! — единогласно прорычали солдаты Черных Доспехов.

— Когда вы находитесь в присутствии Чжэньшаньхэ, вы находитесь в присутствии покойного императора! — прокричал У Ду. — Император У Великой Чэнь завещал мне свое последнее желание — принести смерть предателям! Сложите оружие, и ваша жизнь будет пощажена! Заряжай!

В мгновение ока земля содрогнулась, а небеса рухнули. Воины Черных Доспехов, словно приливная волна, вздымающаяся из пучины, устремились вперед, сокрушая пространство и время. Тысячелетние горы и реки сотрясались под их натиском, когда эта лавина обрушилась на десятки тысяч солдат Северного командования у ступеней тронного зала!

Дуань Лин опустил лук, обернувшись к У Ду. Ослепительные лучи солнца играли на его императорских доспехах, а Чжэньшаньхэ отсвечивал древним таинственным блеском. Этот миг казался далеким сном — настолько нереальным, что у него закружилась голова.

С мечом царства в руке я бы указал тебе путь.

В памяти всплыл образ человека, давшего ему обещание длиною в жизнь.

Распустившиеся в мае персиковые деревья Шанцзина; весенние степи, с расцветом встречающие возвращающийся клин диких гусей; светлячки, мелькающие в гуще леса подобно падающим звездам; одинокий светильник, горящий глубокой ночью в Прославленном зале...

За стенами Лояна — окутавший все нежный снег; над стенами Тунгуань — река Млечного Пути; у Зала Белого Тигра — разбросавший в ночи листья ливень; в Е — сияющие в ночном небе сигнальные огни...

Тысячи воинов ринулись на него. Он протянул руку к ослепляющему солнцу. У Ду, верхом на Бэнь Сяо, на полном скаку склонился в седле и метнулся к нему.

Пальцы Дуань Лина нежно коснулись руки У Ду, скрытой под стальными латами. Время промчалось стрелой, сместив созвездие на другую сторону ночного неба. Под доспехами все еще бурлила пылкая кровь, как будто они оба никогда не забывали данной клятвы.

Даже если звезды рассыплются в прах, Серебряная река исчезнет, а мир вернется к изначальному хаосу.

В одно мгновение мир вокруг Дуань Лина содрогнулся, когда У Ду рывком поднял его на спину скакуна.

— Уничтожить!

Черные Доспехи ответили оглушительным ревом. У Ду, прижимая Дуань Лина, с Чжэньшаньхэ в руке, ринулся в самое сердце боевого строя Северного командования. Те отступили при первом же столкновении, дрогнув перед сокрушительной мощью и непоколебимой верой Черных Доспехов.

Бэнь Сяо преодолел линию обороны, вскачь взлетев по белоснежным нефритовым ступеням тронного зала. Все новые волны Черных Доспехов обрушивались на врага, заливая площадь перед Полуденными воротами внутренностями своих противников.

У главного зала Му Цзиньчжи, с окровавленными руками, из последних сил опиралась на плечо Му Куанды, с трудом отползая в сторону.

У Ду на Бэнь Сяо с Дуань Лином пронеслись над ними, ворвавшись внутрь. Черные Доспехи, словно приливная волна, хлынули вслед, захватив пустующий тронный зал.

Хань Бинь стоял лицом к У Ду и Дуань Лину.

— Даже если убьешь меня... — прохрипел он, с трудом переводя дыхание, — это ничего не изменит... Ты не сможешь доказать всему миру...

— Посмотри, кто стоит у тебя за спиной? — сказал Дуань Лин.

Хань Бин обернулся. В тот же миг ноги его подкосились — он едва не рухнул на колени. Не веря своим глазам, он медленно повернулся, уставившись на фигуру позади.

Черные Доспехи, взяв под контроль поле боя, приказали гражданским и военным чиновникам вновь войти в зал.

Ли Цзяньхун, облаченный в черные боевые одеяния, молча восседал на императорском троне. Не проронив ни слова, он пристально смотрел на Хань Биня.

Чжэн Янь, тем временем, втащил обратно в тронный зал пытавшегося сбежать Цай Яня и бросил его на пол.

— Чуть не упустил его по своей оплошности, — произнес Чжэн Янь.

Хаотичная битва завершилась, но для Цай Яня настал кошмар, превзошедший все его страхи.

— Цай Янь, — произнес Дуань Лин, — ты когда-либо представлял, что этот день настанет?

— Я... я все скажу... — Цай Янь, увидев Ли Цзяньхуна на императорском троне, обмяк от ужаса. Долгие мгновения он не мог вымолвить ни слова, а затем залепетал: — Я... заслуживаю... заслуживаю смерти...

Дуань Лин шагнул вперед, запустил руку за воротник Цай Яня и сорвал с его шеи нефритовую дугу.

— Хань Бинь, — обратился Дуань Лин, — а ты?

Хань Бин пошатнулся, отступая назад. Ли Цзяньхун сидел на императорском троне в расслабленной позе. Его руки покоились на подлокотниках, а пальцы были сложены в замок. Он молча наблюдал за происходящим в зале.

Солнечный свет, поднимавшийся все выше, пробивался сквозь витражные окна тронного зала, собираясь в единый луч. В этом нисходящем с небес сиянии он казался демоном — зловещая сила словно вернула давно умершего правителя в мир живых, чтобы в безмолвии вершить суд над собравшимися.

Придворные с трепетом пали ниц. Даже те, кто всю жизнь отрицал существование духов, не могли рационально объяснить явление перед глазами.

Дуань Лин с У Ду приблизились к трону. Дуань Лин протянул Ли Цзяньхуну нефритовую дугу, и тот принял ее, а затем медленно провел пальцами по лбу юноши. Задержавшись на мгновение, император передал нефрит У Ду.

У Ду замер, вглядываясь в лицо Ли Цзяньхуна.

— Она твоя, бери, — тихо сказал Дуань Лин.

У У Ду перехватило дыхание. Его глаза наполнились слезами, и, склоняясь в почтительном поклоне, он принял нефритовую дугу, сжав ее в ладони.

Затем Дуань Лин обмотал шнурок второй дуги вокруг пальцев и обвел взглядом собравшихся сановников.

— Да здравствует Ваше Величество! — хором прокричали чиновники, падая на колени.

— Цай Янь, — сурово произнес Дуань Лин, — признаешь ли ты свою вину?

— Признаю... я признаю! — захлебывался Цай Янь. — Только не отправляйте меня на восемнадцатый уровень ада... Признаю...

<http://bllate.org/book/15657/1400683>